

Фёдор Абрамов
Чем живём-кормимся
открытое письмо землякам

Уважаемые земляки!

16 лет назад вы обратились ко мне с открытым письмом по поводу повести «Вокруг да около», получившей довольно широкую известность и у нас, и за рубежом.

Немало в том письме было запальчивости и несправедливых упрёков, но не об этом сейчас речь. Меня всегда волновали сложные проблемы развития русской деревни, её материальные и духовные нужды, и именно об этом я писал в «Вокруг да около» и в некоторых других произведениях.

Ныне мои писания тех лет кажутся робкими и даже наивными. О чём мечтали тогда мои герои? О том, чтобы получить 30 процентов от заготовленного ими сена. 30 процентов! Да неужели были времена, когда эти 30 процентов казались чуть ли не пределом мечтаний?

Были. Всё было. Был «пустопорожний» трудодень, был труд на износ, были непомерные налоги, займы. Да чего-чего только не перенесла наша деревня за военные и послевоенные годы! И как не порадоваться, что сегодня всё это позади. Как не порадоваться тому достатку, который пришёл на Пинегу, в нашу деревню.

209 рублей средняя заработная плата в месяц сегодня в Верколе. А доярки, пастухи, механизаторы, те и за 300 частенько переваливают. Свыше 100 новых домов построено за последние десять лет в нашей деревне, за то время, что на Пинеге совхозы. Да каких домов! Просторных, светлых, благоустроенных – с электричеством, холодильниками, с телевизорами и даже с телефонами – любой горожанин позавидует.

Изменились и условия труда. Трактора, комбайны, грузовики и прочее железо, как некоторые остряки коротко называют разную технику, давно уже прочно вошли в быт деревни.

Но за счёт чего все эти отрадные перемены? За счёт надоев, за счёт привесов, урожаев?

Увы, нет. Увы, за счёт государства. За счёт всё возрастающих государственных дотаций, которые по совхозу достигают почти двух миллионов рублей.

Конечно, и государство и город в немалом долгу перед деревней, и нынешняя материальная помощь сельщине вполне оправдана. Но помощь помощью, а как использованы эти огромные средства, эти народные миллионы в Верколе?

На 30 с лишним га сократились и без того ничтожные размеры пахотной земли, на 6 голов уменьшилось поголовье скота (включая лошадей). Надои молока как будто увеличились – с 1641 кг на одну корову в 1963 году до 2254 кг в 1978 году. Но если говорить серьезно, разве это то большое молоко, о котором вот уже сколько лет идут разговоры? В маленькой Финляндии, где мне довелось быть три раза, бурёнку, дающую молока меньше 5000 литров, вообще не держат.

Так в чём же дело, дорогие земляки? Почему чахнет общественное хозяйство в Верколе? С кого спрос в первую очередь?

Конечно, с руководства – с дирекции совхоза, с райкома партии – это азбучная истина. За 10 лет в Верколе сменилось 7 управляющих, 3 года нет бригадира по полеводству, из года в год не хватает телятниц и доярок... И таких упущений и просчётов, мягко говоря, немало.

Всё это так. Ну а вы сами, дорогие земляки? Чувствуете ли вы сами ответственность за запущенное хозяйство? Всегда ли выполняете свои обязанности? Всегда ли оправдываете своим трудом высокую зарплату, льготы северян? Не превращаетесь ли – вольно или невольно – в нахлебников у государства?

Редкий год в Верколе хватает на зиму кормов для скота. В прошлом году, например, по 2 кг сена на день давали корове, а весной даже солому с Кубани завезли (это в край-то бескрайних трав!). И где уж тут надои наращивать. Сохранить бы вживе скотину.

Ну а выводы? Какие выводы сделаны в этом году? На 1 августа, стыдно сказать, заготовлено 229 тонн сена, то есть 27 процентов к плану. И это за двадцать с лишним дней!

На нехватку сенокосных угодий жаловаться не приходится – Веркола утонула в траве. Людей мало? 117 человек числится в Веркольском отделении – куда же больше? А на сенокос сколько вышло? 41 человек, чуть больше одной трети. Да и эти 41 работают ли с полной отдачей? Давно сказано: страдный день год кормит. А у нас на Севере и подалее: погожие дни на вес золота. Так разве можно впустую растрачивать это золотое время – на утренние разводы с сидениями и раскурами, на всякие разъезды? Ведь до чего иной раз доходит? Едут на сенокос, а грабли забывают.

Что же, веркольцы разучились работать, позабыли вековые страдные навыки? Не позабыли. На собственных участках работа кипела с раннего утра допоздна, зароды вырастали как грибы.

А почему телята ежегодно гибнут в Верколе? Я не поверил было, когда мне сказали, что за июль этого года пало 8 телят. И отчего? От истощения. Среди лета, когда трава кругом. И что же? Забили веркольцы тревогу? Меры неотложные приняли? Нет. Успокоили себя острым словцом: телят окрестили смертниками, а грязный, смрадный телятник, в котором круглые сутки взаперти томится молодняк, – концлагерем.

Зелёный загон для телят есть – под боком, с густой, сочной травой. Но не хватает телятниц, – жалуется бригадир по животноводству. Телятницы годами работают без отпуска, без выходных, без сменного графика.

Годами без отпуска, без выходных работают и доярки – самые сознательные труженицы в отделении, по словам того же бригадира.

Где же выход? Заболела доярка – заменить некем. Катастрофа. И уже не об увеличении поголовья иной раз подумывают в Верколе, а о том, нельзя ли часть скота передать в другие отделения.

Передать-то, наверное, можно, но не придётся ли тогда и покосы передавать, а затем и Веркольское отделение прикрывать?

Странно получается: кормимся от скота (молочно-мясное направление у совхоза), а от ухода за скотом отбрыкиваемся руками и ногами. Пора, давно пора мужчинам идти в животноводство, браться за корову, вводить механизацию. З границей, кстати сказать, это издавна мужская работа. И у нас тоже другого пути нет.

Но снова всё тот же вопрос – только ли дело в машинах, в количестве людей? А сами люди – их отношение к работе, к земле, хозяйству, даже к самим себе? Не вытесняет ли порой трудника и рачительного хозяина равнодушный работяга, подёнщик, калымщик?

Примеров тому немало. Ещё недавно, в колхозные времена, веркольская земля кормила чуть ли не всю деревню, а ныне не может обеспечить фуражом даже своих коров. Лучший пахотный клин – задворки – давно уже не распахивается, отдан под личные сенокосы. Многие пожни заброшены, заросли кустарником. Дальние покосы по лесным речкам, так называемые сузёмы, вообще не осваиваются. А ведь в былые времена оттуда вывозили до двух тысяч возов сена! Нельзя без боли смотреть, как по заливным лугам – знаменитым пинежским наволокам – вдоль и поперёк разъезжают трактора, начисто уничтожая травяную подушку луга. Ничего не стоит иному механизатору прокатить и по хлебному полю. И вообще, что хочу, то и делаю: контроля, повседневного учёта в полеводстве нет. Зарплату обычно начисляют со слов работающего, у которого подчас самые смутные представления о трудовой чести.

Невольно вспоминается мне швейная фабрика в Финляндии. Там брак – явление редчайшее. Из десяти тысяч сшитых костюмов лишь 25 оказались с изъяном. И каково же было моё удивление, когда я узнал, что при этом на фабрике отсутствует всякое ОТК. «У нас, – заметил с гордостью директор, – ОТК у каждого рабочего в крови». И величайшим бесчестьем, величайшим позором в Финляндии считается плохо выполненная работа – будь то работа мусорщика, плотника, инженера или хлебороба.

У нас, к сожалению, трудовой честью, человеческим достоинством не очень дорожат.

Когда это было, чтобы в страду работоспособные мужики были в отпуске? Секретари райкома годами не бывают в летнее время на отдыхе, а в Верколе до чего додумались? В июле, в самый разгар страды, дали отпуск шести самолучшим мужикам. Ну недосмотр, ну молодой управляющий... А сами-то мужики? У них-то совесть есть?

Исчезла былая гордость за хорошо распаханное поле, за красиво поставленный зарод, за чисто скошенный луг, за ухоженную, играющую всеми статьями животину. Всё больше выветривается любовь к земле, к делу, теряется уважение к себе. И не в этом ли одна из причин прогулов, опозданий и пьянства, которое сегодня воистину стало национальным бедствием? Казалось бы, с пьяницей, с лодырем разговор должен быть коротким: увольнение. Ведь не потворством же укреплять трудовую дисциплину! А в Верколе за 10 лет, за всю историю совхоза не уволили ни одного человека. Не пользуется ли этим нероботь, разного рода любители лёгкого житья? И не они ли порой начинают задавать тон веркольской жизни?

В деревне нет недостатка в работающих, талантливых и совестливых тружениках. И у них болит сердце, когда видят сгноённое сено, погибающих телят, пьяных подростков. «Разбаловались... разболтались», – самокритично говорят они меж собой. Но почему не слышно их требовательного голоса? Почему никто из них не хочет идти в бригады, в управляющие? Почему они даже детей своих взрослых отговаривают от участия в управлении хозяйством?

Равнодушие, пассивность, нежелание портить отношения с односельчанами... И вечная надежда на строгого и справедливого начальника, который откуда-то придет и наведёт наконец порядок. Почти как у Некрасова: «Вот придет барин, барин нас рассудит». Но так ожидала бабушка Ненила, неграмотная старуха некрасовских времён. А теперь-то, когда почти у всех чуть ли не среднее образование, теперь-то зачем ждать помощи со стороны?

Лучше вас никто не знает веркольской земли, хозяйства, людей, местных нравов – вам братья за дела, вам и наводить порядок в собственном доме.

И тут, разумеется, своё решающее слово должны сказать бы коммунисты и комсомольцы. Немало их в Верколе: 41 член партии и 49 членов ВЛКСМ. Правда, лишь четверть коммунистов и половина комсомольцев работает непосредственно в отделении. Но и они, к сожалению, далеко не оправдывают свою авангардную роль. К сожалению, и в их среду проникла распространённая ныне болезнь сытости и равнодушия.

На одном из самых красивых мест русской земли стоит Веркола. Да и не только русской. За свою жизнь я объездил немало разных стран, много красоты повидал в Японии, во Франции, в Америке, в Англии, в Италии и Португалии. Но пинежские просторы, пинежские белые ночи и цветущие луга, наши бескрайние леса и деревянные строения не уступят заморской красе. Но ценят ли, берегут ли эту красоту веркольцы?

Пинежский берег под деревней – разноцветная галька да разливы жёлтых песков – залюбуешься. А чтобы ступить босой ногой и не думай: битые бутылки, битые стеклянки, банки консервные. Да и в реку без опаски не зайдёшь: и там полно этого добра.

Не лучше и в окрестных лесах. Что только делают лесники? Хлам, неубранная хвоя, гниющий вершинник – это в делянках, где рубили дрова. А там, где заготавливали лес, и того страшнее: чёрная пустыня, пройти невозможно.

Былые, лесные и сенные избушки, без которых немыслима жизнь на Севере, полуразрушены, обезображены. О лугах я уже говорил – их безжалостно калечат механизаторы.

А в самой деревне? Три-четыре вековечных лужи на главной веркольской улице. В непогодь, в дождь не пройти без болотных сапог. И вот на обочину бросают кирпич, доски, палки и только никак не найдут способа разделаться с ними навсегда.

Испокон века опозтизированы в сказках и песнях колодцы. А почему в Верколе ныне за колодцами нет ухода? Срубы гнилые, без крышек и вот уже в одном из них плавает дохлая ворона.

А до каких пор вокруг маслозавода будет грязь и душина? Иной раз идешь мимо – нос приходится затыкать. Покойный Василий Васильевич Нечаевский, знаменитый директор Вельского совхоза, борясь за чистоту на фермах, возле коровников сажал цветы. А тут ведь не коровник – маслозавод.

Бедствием деревни стали собаки. Заведут щенка, поиграют, потешатся, а потом выбросят на улицу. Да и те собаки, которые при хозяевах, не на привязи. И вот от собачьих стай житья нет, были случаи – покусали детей. Неужели только большая беда заставит решить «собачий вопрос»?

Особый разговор о клубе. Сколько приходилось в своё время слышать упрёков и нареканий: в Верколе нет очага культуры. Построили клуб. Красотой не блещет, на барак смахивает (никак не могут наши архитекторы и строители создать достойные здания культуры на селе), но всё в нём есть: зрительный зал, библиотека, читальня. Однако и здесь не хватает заботливых рук. Кругом битый кирпич, обломки шифера, кучи песка, разбросанные дрова, печи и крыша не отремонтированы. А крыльцо? Всё лето веркольцы развлекаются: размышляют вслух, как и куда ступить (доски прогнили и провалились),

подсказывают друг другу, детям. А чтобы взять топор и гвозди да сменить доски – нет, ждут указаний свыше. И даже пошучивают: «У сельсовета бюджет на то есть».

25 депутатов сельского Совета в Верколе! И опять пошучивают веркольцы: раньше в деревне один староста был, а порядка было больше. Так в чём же дело? Те ли это депутаты? Тем ли людям вы доверили устраивать веркольскую жизнь? Ведь вы их избирали, ведь ваше право спросить с них.

Во все времена нёс свет культуры в народ сельский учитель. Так и повелось: каков учитель – таковы и дети, таков и облик села. За примером недалеко ходить. Сурский учитель, ныне пенсионер, Иван Андреевич Данилов – сколько он сделал для своего села! Его стараниями, руками его учеников песчаная Сура превращена в зелёный сад.

В Верколе тоже взялись за посадки – от школы до клуба натыканы берёзки. Но зачем? Комаров разводить? План по озеленению выполняли? Ведь эта расшитая пёстрыми мхами и окаймлённая соснами поляна, как и лужок возле почты, тоже, кстати сказать, изуродованный посадками, сами по себе прекрасны и не случайно издревле были местом народных гуляний. Да нужно ли много говорить о роли учителей в Верколе, когда на школе нет даже вывески с названием!

И всё-таки нельзя сказать, что у веркольцев иссяк источник вековой народной поэзии и красоты. Концерт местной молодёжной самодеятельности этим летом был не хуже выступления московской агитбригады ЦК ВЛКСМ. С подлинным блеском, радуя искусством народного слова, песни и танца, прошла «Веркольская вечерянка». Но что печально? Ни одного парня, ни одного мужчины, ни одного подростка не было на сцене, так что женщинам пришлось играть и мужские роли.

Народные традиции... Везде – в Армении, Грузии, Литве – с великой бережностью хранят и вновь оживляют и возрождают их. А почему же мы так беспечны?

Это хорошо, что старинные дома, амбары, церкви, крестьянскую утварь свозят в Малые Корелы. Но и на местах, в каждой деревне должна бы заново ожить северная краса – в песнях, в танцах, в ремёслах, в охраняемых памятниках. Почему вместо прекрасных, жизнерадостных, игровых, разнообразных по рисунку русских народных танцев – восьмёры, кадрили, к примеру, – молодёжь поголовно увлеклась примитивными джазовыми ритмами, западной трясучкой, напоминающей дрыганье припадочных или одурманенных наркоманов?

Да, быстро на искушённой почве вырастают сорняки. Есть, есть, конечно, хорошие ребята и девушки в Верколе, и всё-таки молодёжь, в том числе отпускники, недавние веркольцы, оставляют тягостное впечатление – особенно в праздники, когда сходятся в клубе. К бутылке тянутся не только парни, но и подростки и даже девушки. И уже порой ножом размахивают.

Спрашивается, к какой жизни, к каким делам готовят своих детей веркольские родители? Сами с ранних лет с косой, с топором и сейчас ломают с утра до ночи, а великовозрастные сынки и дочки, нынешние акселераты, дают подушку до 11 часов дня – отдыхают. Под крылом такой неразумной родительской любви да жалости и вырастают бездельники и эгоисты, которые не умеют беречь и ценить хлеб и всё содеянное трудом. Права свои хорошо усвоили, требуют много, а вот обязанностей знать не хотят.

207 пенсионеров в Верколе. Огромная сила! А какое влияние оказывают они на жизнь деревни? Сколько их, к примеру, вышло на сенокос в погожие дни? По пальцам пересчитаешь. Зато иные пенсионеры, ещё полные сил, не достигшие и шестидесяти лет, с каким усердием занимаются своим хозяйством, своим домом!

Не потеснило ли в Верколе своё, личное наше, общее? Не обмелела ли река народной совести, народной нравственности?

Да о многом, об очень многом заставляют думать веркольские дела. Однако если сказать коротко, всё в конце концов упирается в равнодушие и пассивность. Нет активного, заинтересованного, требовательного отношения в Верколе к совхозным делам, к благоустройству села (чего стоит одна хаотическая застройка деревни!), к культуре, к молодёжи. А ведь здесь жить и работать будущим поколениям.

И почему бы уже сегодня не представить Верколе будущего? Сады, цветники, своё парниковое хозяйство, свой дом быта с разного рода услугами, которые наконец-то освободят сельскую женщину от трудоёмких домашних работ, дом подлинной культуры, где задружат старина и современность, где каждый будет не только зрителем, но и участником, творческим человеком. И, конечно же, ухоженная земля, коровы-пятитысячницы и воспетый в песнях и сказках резвый конь, без которого на Севере не обойтись.

Быть или не быть такой Верколе – зависит от вас, дорогие земляки.

с. Веркола, август, 1979 г.

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник: Чем живём-кормимся: открытое письмо землякам / Фёдор Абрамов // Пинежская правда. – 1979. – 18 авг. – С. 2-3.